

Н.В.Ермолова

*Тунгусовед
Глафира Макарьевна
Василевич*

Глафира Макарьевна Василевич не относится к числу этнографов, труды и имена которых были запрещены или незаслуженно забыты в период политических репрессий 30-х — начала 50-х годов двадцатого столетия. Из 76 прожитых лет она почти 50 отдала служению любимой науке. Работы Г.М.Василевич неизменно вызвали большой научный интерес среди коллег, а ее огромный вклад в сибиреведение еще при жизни получил высокое признание как у нее на родине, так и за рубежом¹. Однако в 1952 г. Глафира Макарьевна по необоснованным обвинениям была арестована и приговорена к лишению свободы на 10 лет. И только благодаря амнистии после смерти Сталина ее освободили досрочно в 1955 г. после трех лет пребывания в исправительно-трудовых лагерях. До недавнего времени об этом не принято было говорить открыто и данный факт старательно замалчивался в нашей литературе. Впервые Василевич официально была названа среди безвинно пострадавших лишь в 1990 г., когда журнал «Народы Азии и Африки» опубликовал около 400 имен репрессированных востоковедов². Более подробно об этой странице ее жизни рассказал в 1994 г. А.М.Решетов, одним из первых взявшийся за кропотливый, благородный труд по восстановлению подлинных биографий репрессированных этнографов³.

И все же, к сожалению, жизнь и творчество Г.М.Василевич в силу разных причин до сих пор остаются в тени и, на наш взгляд, не раскрыты в полной мере, хотя Глафира Макарьевна своими работами создала целую школу отечественного тунгусоведения.

Литература о Г.М.Василевич крайне незначительна. Первые статьи о ней были помещены в Большой Советской (2-е изд., т. 7, 1951 г.) и Краткой литературной (т. 1, 1962 г.) энциклопедиях, что отражало высокое признание ее научных заслуг. Однако

в 3-е издание Большой Советской энциклопедии (том на букву «В» вышел в 1971 г.) статью о Василевич уже не включили. Вся последующая литература о ней состоит всего из нескольких публикаций, вышедших, во-первых, к 70-летию со дня рождения и, во-вторых, в связи со смертью. Поэтому уже в силу своего жанра эти статьи носили довольно общий характер и не затрагивали ни сложных жизненных коллизий, ни спорных вопросов или проблемных положений, обязательно присутствующих в научном творчестве каждого крупного исследователя. Образ Глафиры Макарьевны Василевич — яркого ученого и интересного человека — в этих публикациях носил чисто «парадный» характер и был лишен живой жизненной конкретики.

Среди этих работ наиболее интересны два издания. Во-первых, отдельная брошюра в 50 страниц, подготовленная и изданная к 70-летию со дня рождения Василевич в 1965 г. в Якутске, где начиная с 1958 г. она принимала непосредственное участие в организации исследований эвенкийского языка молодыми учеными Якутского института языка, литературы и истории. Издание включает краткий биографический очерк, указатель основных работ Василевич, а также написанные с большой теплотой и уважением воспоминания людей, знавших Глафиру Макарьевну по совместной работе в области языкознания⁴. Во-вторых, статья известного лингвиста-тунгусоведа В.И.Цинциус, которая была опубликована через год после смерти Василевич в сборнике научных статей, подготовленном все тем же Якутским институтом языка, литературы и истории как дань уважения памяти ученого⁵.

Как видим, обе эти работы написаны лингвистами. И чтобы правильно понять их направленность, важно подчеркнуть следующее. Творчество Василевич при всей цельности и внутренней логике ее исследовательского пути распадается на два разных периода, один из которых, начальный, довоенный, был связан прежде всего с лингвистическими исследованиями — изучением и преподаванием эвенкийского языка в Институте народов Севера и Педагогическом институте имени А.И.Герцена, а второй, с начала 40-х годов и до последних лет жизни, — с этнографией и работой в Ленинградской части Института этнографии (ИЭ) АН СССР. Естественно, что лингвисты касались прежде всего языковедческих интересов Василевич, рассматривая в основном первый, довоенный период ее творчества, в то время как последние 30 лет жизни, связанные в большей степени с этнографическими изысканиями и представляющие не менее, а может быть, даже более важный этап ее научной деятельности, в этих работах почти не отражены. То же самое можно сказать и о статьях, помещенных в Краткой литературной и Большой Совет-

ской энциклопедиях. Несмотря на то что Г.М.Василевич названа в них «этнографом и языковедом», реальное представление они дают только о ее лингвистической деятельности.

Что касается этнографов, то они очень мало писали о Василевич. Не считая некролога⁶, опубликованного от лица коллег по ИЭ, в котором перечислялись главные работы и основные вехи биографии Глафиры Макарьевны, можно назвать еще лишь одну краткую заметку известного историка и этнографа Н.Н.Степанова, откликнувшегося на ее 70-летний юбилей⁷. Возможной причиной такого умолчания послужило то, что главный этнографический труд Василевич — монография «Эвенки» вышла в свет уже после ее 70-летия, лишь в 1969 г., за два года до смерти. К тому же указанная работа вызвала неоднозначную оценку ряда этнографов, и критический отклик⁸, прозвучавший в 1971 г. наряду с положительным отзывом⁹ в журнале «Советская этнография», по-видимому, оказал свое воздействие на то, что и после смерти Глафиры Макарьевны ее огромный вклад в сибиреведение не получил в печати соответствующего признания. К сожалению, такое положение сохранялось до самого последнего времени, и первая попытка изменить его была предпринята лишь недавно¹⁰. В публикации, предлагаемой вниманию читателей, автор стремится воздать наконец должное огромному исследовательскому труду, который был выполнен Г.М.Василевич в области изучения культуры, истории, языка и фольклора эвенков Сибири.

Биография Василевич в целом известна, но, к сожалению, в ней не достаёт важных жизненных подробностей — ярких воспоминаний современников, рассказов о студенческой юности, общении в кругу друзей, тяжелых годах войны и блокады, трагическом осуждении, о сложных перипетиях научного пути. У Глафиры Макарьевны не было своей семьи и детей, не осталось близких родственников, не сохранилось личного архива. Ее ровесники — люди, дружившие с ней, — уже ушли из жизни. Своих воспоминаний, как, например, учившаяся с ней в одно время Н.И.Гаген-Торн, Василевич тоже не оставила. Единственной публикацией, написанной, по-видимому, со слов Глафиры Макарьевны или во всяком случае с использованием ее рассказов, является популярный очерк на шести страницах с фотографиями, вышедший в 1962 г. в журнале «Пионер» под рубрикой «Рассказы о смелых людях»¹¹. Однако, рассчитанный на подростков, он мало что добавляет к биографии ученого. Увы, теперь приходится многое восстанавливать буквально по крупицам, и, к глубокому сожалению, это не всегда удается сделать так, как хотелось бы и как должно быть. Поэтому особую ценность пред-

ставляют очень интересные живые воспоминания о Глафире Макарьевне ее аспирантки, ульчанки по национальности, ныне известного исследователя, работающего в Якутске, Жанны Карувны Лебедевой, подготовленные специально для нашего издания¹².

Вопросы начинаются уже с выяснения точной даты и места рождения Г.М.Василевич. Казалось бы, известно, что родилась она в Петербурге в марте 1895 г., о чем писала сама в автобиографиях и личных листках по учету кадров. Однако имеется одно свидетельство, ставящее под сомнение Петербург как место рождения. Это ее трудовая книжка, выданная в 1919 г., когда она работала на почтамте¹³. Местом рождения в ней записаны Минская губерния, Борисовский уезд, Тумпловическая волость, село Нестеровщина, что, очевидно, и соответствует действительности. Однако впоследствии во всех официальных документах Г.М.Василевич называла местом своего рождения Ленинград, куда семья переехала, видимо, вскоре после рождения Глафиры Макарьевны. Неясна также и точная дата ее рождения. В литературе встречаются две даты. А.М.Решетов в своей статье называет 14 марта, как стоит в свидетельстве об окончании Географического института, а В.И.Цинциус в статье, изданной еще при жизни Василевич, — 15 марта¹⁴. При этом нужно отметить, что Цинциус хорошо знала Глафиру Макарьевну и, казалось бы, не должна ошибаться в дате ее рождения, которую, скорее всего, называла с ее слов. Глафира Макарьевна же в личном листке по учету кадров указывала дату 16 марта по старому стилю, следовательно, день ее рождения должен приходиться по новому стилю на 29 марта. Все эти разночтения, конечно, не имеют прямого отношения к научному творчеству Василевич, однако скрывающаяся в них загадка заслуживает того, чтобы быть упомянутой.

Глафира Макарьевна выросла в простой небогатой семье. Отец ее работал на заводе, мать была домашней портнихой. О старшем брате Николае нам известно только то, что он умер, как и отец, в 1917 г. Несмотря на скромный достаток, родители хотели дать дочери хорошее образование и определили ее в Петровскую женскую гимназию Санкт-Петербурга. Судя по всему, училась Глафира блестяще, так как ей была назначена общественная стипендия, которой удостаивались только лучшие ученики. Чтобы поддержать семью, дочь с 14 лет давала частные уроки, а после окончания гимназии в 1913 г. устроилась на постоянную службу в казначейство почтамта, где до 1920 г. работала в отделе иностранной почты. Пригодилось полученное в гимназии хорошее знание трех иностранных языков — немецкого, француз-

Г.М.Василевич в юности

ского и английского, которое впоследствии оказалось столь необходимым и в работе с научной литературой. После смерти отца и брата 22-летнего Глафира в тяжелейшее время революции и гражданской войны, голода и разрухи останется единственной опорой для матери, которой она помогала всю жизнь, заботясь о ней до самой ее смерти в ленинградскую блокаду.

В начале 20-х годов жизнь в Петрограде начинает понемногу налаживаться, вновь открываются вузы, и Глафира Макарьевна решает продолжить учебу. Ее выбор останавливается на недавно открывшемся Географическом институте, и, вероятно, поэтому за год до поступления она оставляет почтамт, перейдя на работу в среднюю школу учителем географии и геологии. В октябре 1921 г., не оставляя работы в школе, она поступает в Географический институт, выбрав из двух его факультетов — географического и этнографического — последний, только что созданный профессором Л.Я.Штернбергом. Это определяет весь ее дальнейший жизненный путь. Пять лет обучения в уникальном учебном заведении, которое впервые в России готовило кадры профессиональных этнографов, закладывают прочную базу в подготовке Василевич как будущего ученого. Л.Я.Штернберг организовал преподавание так, что студенты получали не только широкое этнографическое образование, но и глубокие знания по истории мировой культуры. Для этого на факультет были приглашены такие известные профессора, как В.М.Алексеев, читавший курс по культуре Китая, Б.В.Владимирцов — курс языко-

знания, А.А.Кауфман — статистику, Н.И.Кареев — всемирную историю и историческую этногеографию, П.А.Спицын — археологию, В.В.Струве читал курс по египтологии и культуре античных народов Востока, И.В.Франк-Каменецкий — по культуре классического Востока и др.¹⁵. Этнографические дисциплины (Л.Я.Штернберг и В.Г.Богораз) преподавались очень широко, в соответствии с тезисом Штернберга — «кто знает один народ — не знает ни одного; кто знает одну религию, одну культуру — не знает ни одной». Поэтому студенты изучали введение в этнографию, историю этнографии, палеоэтнографию, этнографию полярных народов, общее страноведение, материальную культуру народов СССР, этнографию восточных славян, эволюцию социальной культуры, историю религии, фольклор, сравнительную мифологию, эволюцию искусства, историю древней философии, антропологию, историю русской культуры¹⁶.

Кроме того, на этнографическом факультете преподавались основы естествознания, овладение которыми Штернберг считал необходимым для углубленного изучения таких этнографических проблем, как развитие хозяйства и материальной культуры, возникновение культа животных и растений, вопросов расообразования и т.д. Поэтому будущие этнографы изучали основы ботаники, зоологии, анатомии и физиологии человека, геологии и почвоведения, топографии, метеорологии¹⁷. Эти предметы были необходимы и для будущей полевой работы, к которой готовили студентов-этнографов. С этой же целью их обучали черчению, рисованию, картографированию, фотографированию. Занятия по полевой этнографии проводились в летние каникулы в Павловске — они назывались летние практические работы. О прохождении этой практики также имеется соответствующая запись в дипломе Василевич. Сохранилась и редкая фотография, к сожалению очень испорченная временем, из-за чего ее невозможно опубликовать, где Глафира Макарьевна изображена вместе с другими студентами Географического института на летней практике, верхом на лошадях. Кроме того, студенты проходили практику в Музее антропологии и этнографии (МАЭ) и Этнографическом отделе Русского музея, где, изучая экспозиции и проводя экскурсии, они овладевали основами музееведения.

Дальнейшее практическое обучение протекало в экспедиционных условиях — для каждого студента на старших курсах было обязательным участие в одной-двух экспедиционных поездках. Для Василевич это оказались поездки в 1923 г. на Печору и в 1924 г. в Вятскую губернию. Печорский отряд был организован Институтом совместно с Северной научно-промышленной экспедицией Высшего Совета народного хозяйства (ВСНХ), на базе

которой позднее вырос Арктический институт. Руководившие работой отряда Л.Я.Штернберг и В.Г.Богораз организовывали практику таким образом, чтобы студенты находились в «поле» не менее трех-четырех месяцев и не просто выполняли учебные задания, но и вели научно-исследовательскую работу, а по возвращении представляли отчет о собранных материалах. О том, какое большое значение придавалось полевой работе, говорит тот факт, что студентка Василевич уже после 2-го курса была оформлена научной сотрудницей Мезенско-Печорского исследовательского этнографического отряда Северной научно-промышленной экспедиции ВСНХ на срок с июля 1923 по январь 1924 г. Маршрут экспедиции, как следует из ее удостоверения, проходил «через Архангельск на низовую Печору, Тиманскую, Большеземельскую тундры, через Печорскую и Мезенскую Пижмы на р. Мезень и обратно». Командируемая сотрудница направлялась «для этнографических и экономических обследований самодов и русского населения»¹⁸.

Район исследований был выбран не случайно. Здесь, в низовьях Печоры и Мезени, активное взаимовлияние ненцев и русских привело к тому, что смешанное оседлое население занималось однотипной хозяйственной деятельностью, главным направлением которой было рыболовство. Василевич был поручен сбор материалов по рыболовству. Вернувшись, она представила в Институт отчет на 36 страницах, а также статью «Рыболовство на низовьях Печоры», которую впоследствии считала своей первой научной работой, оставшейся, правда, неопубликованной¹⁹.

В следующем, 1924 г. после окончания уже третьего курса Василевич поехала в экспедицию в Вятскую губернию, где работала по теме «Жилище и постройки и их орнаментировка». Собранные и обработанные ею материалы были сданы затем в Государственную академию истории материальной культуры (ГАИМК)²⁰.

Как видим, за четыре года обучения Глафира Макарьевна получила прекрасную научную подготовку. Образование, которое давалось студентам на этнографическом факультете, отличалось разносторонним охватом и вместе с тем глубиной получаемых знаний, подкрепляемых серьезными практическими занятиями. Из среды первых студентов, — питомцев Штернберга и Богораза, обучавшихся вместе с Василевич, вышли такие великолепные специалисты, как Е.П.Орлова, С.М.Абрамзон, Г.Н.Прокофьев и Е.Д.Прокофьева, Ю.А.Крейнович, Н.П.Дыренкова, В.В.Чарнолуский и др. Все они находились у истоков создания советской этнографии, и в этой славной плеяде ученых была и Василевич.

Школа Штернберга имела еще одну важную особенность — в соответствии с требованиями времени она готовила специалистов, которые могли бы решать практические задачи по оказанию помощи национальным районам. Созданный в 1925 г. специальный правительственный орган — Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера), на который было возложено осуществление мероприятий по экономическому и культурному развитию малых народов Севера, сразу стал привлекать для своей работы выпускников этнографического факультета. Василевич, в марте 1925 г. получившая свидетельство об окончании института, уже летом уезжает в командировку по направлению от Ленинградского отделения Комитета. Ей было поручено проведение работ среди тунгусского (эвенкийского) населения Сибири²¹. Задание Комитета Севера имело целью общее обследование тунгусов (эвенков), с выяснением положения на местах, установление контактов, а также сбор этнографических и лингвистических материалов²². Эта поездка определила всю дальнейшую судьбу Василевич. Впервые попав к тунгусам, сведения о которых были еще крайне ограничены, она решает заняться исследованием их языка и культуры и помочь в переустройстве жизни.

Первая экспедиция Глафиры Макарьевны к эвенкам носила разведочный характер. Судя по тому, что в выданном ей удостоверении указывалась командировка в Иркутскую и Енисейскую губернии, а просьба о содействии адресовалась одновременно в Иркутский и Красноярский Комитеты Севера, можно предполагать, что точное место экспедиции «сверху» определено не было. Очевидно, это должна была сделать сама Василевич, и она останавливает свой выбор на верховьях р. Лены в районе Усть-Кута Иркутской губернии. Однако ни в Ленинграде, где она тщательно готовилась к экспедиции, ни в Иркутске, куда удалось добраться поездом к середине июля, ни даже в местном, Усть-Кутском волостном исполкоме никаких данных по статистике и расселению тунгусов найдено не было. Единственные сведения, которые ей удалось добыть в Усть-Куте, были, по ее словам, «чисто распросного характера»²³. Судя по ним, оказалось, что эвенки, кочевавшие здесь по притокам Лены еще лет 20 назад, теперь отеснены на Нижнюю Тунгуску и предположительно должны находиться там в районе ее левого притока, р. Непы. Тогда Василевич меняет маршрут и, чтобы попасть в нужный район, нанимает сначала лодку, на которой поднимается вверх по Лене до села Маркова, и оттуда с проводниками верхом на лошадях уходит в тайгу на северо-запад, где через неделю встречает эвенкийские стойбища. Эта экспедиция продолжалась

без малого четыре месяца, из которых три было проведено, в кочевках с эвенками. Первые впечатления, первые наблюдения, первые записи. Все это вскоре будет обработано и представлено в первых научных публикациях 1926—1930 гг.²⁴.

В конце ноября Глафира Макарьевна возвращается в Ленинград и застает реорганизацию родного Института, который был включен в Ленинградский университет в качестве географического факультета с двумя отделениями: общегеографическим и этнографическим. Кроме того, в значительной степени изменилось и само обучение этнографов. Число вспомогательных дисциплин было сокращено и введена специализация по циклам, охватывающим группы родственных в языковом отношении народов. Каждый студент теперь должен был выбрать тот или иной цикл, по которому он проходил углубленную подготовку, включавшую и изучение языка избранного народа. Из восьми учрежденных циклов один был тунгусским. Чтение курса эвенкийского языка на нем было поручено Я.П.Кошкину (Алькору), а Василевич предложили проводить занятия по этнографии тунгусских народов, и она была зачислена ассистентом на этнографическое отделение²⁵.

Первыми ученицами Г.М.Василевич были студентки 4-го курса К.М.Мыльникова, Л.Д.Ришес, Т.И.Петрова, В.И.Цинциус, ставшие впоследствии известными исследователями в области тунгусоведения. По воспоминаниям Цинциус, Глафира Макарьевна использовала на своих занятиях работу С.К.Патканова «Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири» (1906 г.) — единственное крупное издание, существовавшее тогда по этнографии эвенков. Новым делом было и преподавание эвенкийского языка. Его стали изучать на основе грамматики М.А.Кастрена с привлечением носителя языка — прибайкальского эвенка Полтеева, от которого велась запись текста на эвенкийском языке с последующим подробным морфологическим анализом²⁶.

Думается, что Василевич активно участвовала в этих занятиях, чтобы как можно быстрее овладеть эвенкийским языком. Этому же способствовала и вторая ее экспедиция к эвенкам, осуществленная также по линии Комитета Севера, сроки которой были еще более продолжительными — с сентября 1926 по апрель 1927 г. На этот раз Василевич выбрала среднюю часть бассейна Подкаменной Тунгуски — Богучанский и Таимбский районы Красноярского округа. Проведя в экспедиции больше полугода, она собрала новые материалы, которые так же, как и в первый раз, сдала после обработки в Институт по изучению народов СССР (ИПИИ). Кроме того, она привезла от эвенков и передала в МАЭ свою первую коллекцию, характеризующую в том числе

и такой редкий феномен, как детская игра в шаманство. На основе материалов, собранных в этой экспедиции, была написана новая статья «Игры тунгусов»²⁷.

С 1927 г., не оставляя преподавания этнографии в Университете, Василевич начинает работать по совместительству на Северном факультете Ленинградского восточного института, который был только что создан специально для обучения представителей северных народов. В 1930 г. факультет был реорганизован в самостоятельное учебное заведение — Институт народов Севера, где началась научно-исследовательская и научно-практическая работа по созданию письменности на языках коренных народов Севера²⁸. Василевич активно включается в эту работу, занимаясь одновременно и преподаванием²⁹, и написанием учебников по эвенкийскому языку. Уже в 1928 г. она выпускает эвенкийский букварь, ставший первым пособием по изучению этого языка³⁰.

Эта небольшая книжечка в 30 страниц была издана примитивным стеклографическим способом, по существу написана от руки, так как еще не существовало типографских шрифтов для подобных изданий. Называлась она «Памятка тунгусам-отпускникам», потому что ее раздавали студентам-эвенкам Северного факультета, уезжавшим на каникулы, чтобы они пользовались ею для обучения грамоте на местах. Сохранились воспоминания Глафиры Макарьевны о том, как в 1927 г. ей «самой пришлось "отпечатать" (написать печатными буквами) первую азбуку и размножить на стеклографе <...> эвенки, уезжая в отпуск, развезли эту азбуку по всем районам, и там в чумах сами учили читать и писать на родном языке (на латинизированном алфавите) детей и взрослых эвенков»³¹. В 1929 г. таким же способом была «отпечатана» «Первая книга для чтения на тунгусском языке», состоявшая из 28 небольших эвенкийских текстов³².

О том, насколько напряженной была эта работа, говорит тот факт, что Василевич даже сделала перерыв в экспедиционных поездках и в 1928 г. не выезжала в «поле». Но уже в 1929 г. она опять проводит более трех месяцев в Сибири, обследуя по заданию Комитета Севера эвенков бассейна Олекмы и Витима. В этой экспедиции она уже настолько осваивает эвенкийский язык, что нередко сама выступает переводчиком в общении эвенков с представителями местной власти и на районном съезде советов свой доклад о деятельности Комитета Севера делает на эвенкийском языке³³. Знание языка помогает ей и в сборе этнографических материалов, на основании которых по возвращении в Ленинград она пишет в журнал «Этнография» статью об охотничьих обрядах у эвенков³⁴.

Все эти годы она сотрудничает также с МАЭ, где ее учителя Л.Я.Штернберг и В.Г.Богораз вместе с другими сотрудниками проводят большую работу по обновлению музейных экспозиций. Глафира Макарьевна тоже привлекается к этой деятельности и принимает непосредственное участие в создании трех выставок: в 1926 г. — по истории орудий и оружия (при этом составляет путеводитель по выставке, изданный, к сожалению, без указания фамилии автора)³⁵; в 1927 г. — по истории жилища и хозяйственных построек, а в 1930 г. на выставке по истории религии она готовит отдел «Душа после смерти»³⁶.

В 1930 г. Василевич получает специальное задание от МАЭ по изучению сымских эвенков и по командировке от Академии наук СССР едет в район левого притока Енисея — р. Сым, где собирает обширный материал по этнографии и языку этой группы. В Музей она привозит новую коллекцию по традиционной культуре эвенков, включающую орудия труда, предметы быта, а также редкие экспонаты одежды, в том числе уникальный обрядовый костюм³⁷. Собранные данные позволяют ей составить представление об особенностях этногенеза сымских эвенков, их культурной и языковой специфике. Эти материалы, сопровождающиеся глубоким научным анализом, Василевич в 1931 г. публикует в двух статьях, которые характеризуют ее как прекрасного специалиста и профессионала в области тунгусской этнографии³⁸. Здесь она впервые высказывает новые идеи, которые затем будет успешно развивать в своих последующих исследованиях, в частности о культурных и языковых параллелях у крайнезападных и крайневосточных групп тунгусов. Эта идея будет позднее, уже в 80-е годы, достаточно продуктивно использована в работах следующего поколения тунгусоведов³⁹. Кроме того, материалы сымской экспедиции помогут Василевич в написании еще многих ее этнографических работ⁴⁰, что свидетельствует о прекрасно проведенном полевом исследовании и о том, что к началу 30-х годов она стала первоклассным специалистом-этнографом. И тем более обидно, что 1931 год становится последним в том удивительно плодотворном периоде работы, когда Василевич успешно совмещала свои этнографические и лингвистические исследования.

Обстоятельства складываются так, что на целое десятилетие (1931—1941) она целиком уходит в лингвистическую деятельность. Дело в том, что географический факультет университета, на этнографическом отделении которого в должности сначала младшего, а затем старшего ассистента Глафира Макарьевна в течение пяти лет преподавала курс этнографии тунгусо-маньчжурских народов, в 1931 г. перестал существовать. В 1930 г. он

был переведен на филологический факультет, а в 1931 г. просто ликвидирован⁴¹. Василевич переходит в 1931 г. на основную работу в Педагогический институт имени А.И.Герцена, где преподает эвенкийский язык на северном отделении литературного факультета, осуществляя подготовку кадров языковедов и учителей из среды коренных народов Севера. При этом она продолжает педагогическую деятельность и в Институте народов Севера, Научно-исследовательская ассоциация которого совместно с Комитетом нового алфавита направляет ее в том же, 1931 г. в лингвистическую экспедицию к эвенкам Нижней Тунгуски.

Основной целью поездки являлась проверка только что вышедшей из печати «Начальной книги» на эвенкийском языке⁴². Это была первая эвенкийская книга, изданная типографским способом, что стало возможным после правительственного утверждения в феврале 1931 г. проекта алфавита народов Севера. Она была составлена Василевич и кроме самих текстов для чтения включала краткую характеристику основных особенностей сымского, подкаменнотунгусского, токминского, ербогаченского, олекминского и амурского диалектов. К этому времени Глафира Макарьевна уже в совершенстве владела эвенкийским языком на уровне нескольких его диалектов, которые она изучила в четырех экспедициях у разных групп эвенков, а также общаясь со своими эвенкийскими студентами. В ее планы входило теперь составление эвенкийско-русского диалектологического словаря. Поэтому для экспедиции 1931 г. она выбрала обширный район бассейна Нижней Тунгуски, где до этого времени ей еще не приходилось бывать. На лодке она проехала по всей Нижней Тунгуске от самых ее верховьев до впадения в Енисей и по пути следования заезжала на основные притоки⁴³. Благодаря этому Василевич пополнила свои материалы данными о языковых особенностях нижнетунгусских эвенков и по возвращении в Ленинград приступила к написанию диалектологического словаря. Теперь в ее распоряжении был необходимый словарный материал по всем эвенкийским говорам, распространенным к западу от р. Лены, в бассейне Енисея. Описание говоров восточных эвенков она предполагала осуществить во второй части запланированной ею работы по диалектологии.

Основную цель своего словаря Г.М.Василевич определяет как «предоставление возможности использовать словарный материал говоров для облегчения перехода к единому письменному литературному языку»⁴⁴. Эта проблема — создание письменности и единого литературного языка, способного обслуживать все диалектные группы, — в отношении эвенков была очень острой. Для ее решения необходимо было провести исследование основ-

ных диалектов и выбрать наиболее подходящие для литературного языка грамматические формы, которые могли бы быть положены в его основу. Подготовка данного словаря была первым серьезным шагом в этом направлении. Издание включало около 5 тыс. словарных статей, в которых наряду с диалектными формами давалось также литературное написание, отмеченное жирным шрифтом, что должно было способствовать скорейшему становлению общеэвенкийского литературного языка, только начавшего складываться на основе выбранного с этой целью непского говора. Работа над словарем шла очень интенсивно: в декабре 1931 г. Василевич закончила написание введения, а еще через год все материалы были сданы в набор. Однако издание увидело свет только в 1934 г., и к этому времени Глафира Макарьевна успела подготовить еще один солидный труд — первый «Учебник эвенкийского языка», которым в течение ряда лет пользовались учителя, студенты, аспиранты и научные работники⁴⁵. Обе работы представляли собой значительный вклад в лингвистические исследования и были высоко оценены — Василевич в 1935 г. была присуждена ученая степень кандидата лингвистических наук (по эвенкийскому языку) без защиты диссертации⁴⁶.

Кроме того, в 1934 г. Глафира Макарьевна заканчивает еще одну крупную работу — подготовку к изданию сборника материалов по эвенкийскому фольклору, выход которого в 1936 г. стал настоящим событием в области не только тунгусоведения, но и фольклористики в целом. Это был первый фундаментальный труд по эвенкийскому фольклору, который до этого изучался крайне мало. Василевич включила в сборник, во-первых, основные известные к тому времени записи текстов начиная с XVIII в. (И.Георги, Г.Гут, В.Н.Васильев и др. — в основном они находились в малодоступных публикациях либо хранились в архивах) и, во-вторых, материалы, собранные как ею самой, так и другими сотрудниками Института народов Севера в 1925—1931 гг. При этом раздел, составленный из текстов, которые были записаны Василевич в четырех ее экспедициях и у ряда слушателей Института народов Севера и называвшийся «Материалы по фольклору эвенков Сибири», составлял самую значительную часть сборника. Это были сказки о животных, предания, мифологические рассказы, шаманские песни, загадки. Тексты публиковались на соответствующих эвенкийских диалектах с параллельным объяснительным переводом на русский язык, т.е. в полном соответствии с научными требованиями, выработанными к этому времени советской фольклористикой⁴⁷. В краткой вступительной статье сообщались ценные сведения о состоянии фольклора эвенков к моменту издания сборника, об особенно-

стях его бытования, об исполнителях, от которых были произведены записи, и давалась общая фольклористическая оценка материала. Василевич принадлежали также сноски и пояснения ко всем текстам сборника⁴⁸.

Наряду с созданием фундаментальных исследований Глафира Макарьевна в 30-е годы работает еще в одном важном научно-практическом направлении — готовит к выпуску первые учебные пособия на эвенкийском языке для младших классов начальной школы. Буквари, книги для чтения, учебники арифметики, грамматики, правописания — все это было крайне необходимо для коренных народов Севера, и написание этих, казалось бы, простых школьных учебников также требовало огромной исследовательской работы, включающей изучение звукового состава, грамматического строя, диалектных особенностей языка. Всего Василевич было выпущено свыше 50 учебников на эвенкийском языке для начальной школы и примерно столько же русских подстрочных переводов к ним, а также методические разработки, программные материалы и пр.⁴⁹.

В 1935—1936 г. была осуществлена и новая масштабная экспедиция в Эвенкийский национальный округ. На этот раз в задачи Василевич, командированной Наркомпросом, входили проверка качества изданных для эвенкийских школ учебников, консультации и оказание помощи учителям, а также сбор материалов по методике преподавания родного и русского языков. Экспедиция длилась более шести месяцев (с июля 1935 по февраль 1936 г.), в течение которых Василевич побывала в трех районах Эвенкийского округа, проехав по маршруту, включавшему такие пункты, как Байкит, Тычаны, Тура, Нидым, Кербо, Стрелка, Чуня, Вановара, Кежма, Канск⁵⁰. В результате ею был собран значительный материал, использованный затем как в учебной, методической и педагогической литературе, так и в преподавательской работе со студентами.

Этнографическое направление при этом тоже не забывалось, и, как всегда, находясь среди эвенков, Глафира Макарьевна работала не только как лингвист, но и как этнограф, тщательно фиксируя все свои наблюдения по хозяйству, быту, культуре — все, что в будущем могло быть использовано при написании этнографических работ. Она продолжает обрабатывать этнографические материалы, но делает это как бы для себя, без публикаций, создавая задел на будущее. И действительно, на более серьезные занятия этнографией просто не хватает времени, так как все силы отнимает лингвистика.

Основным местом работы в конце 30-х годов по-прежнему остается Северное отделение Пединститута имени А.И.Герцена,

где Василевич преподает эвенкийский язык, занимая должность доцента. Но она не оставляет и научно-исследовательской деятельности, работая по совместительству в 1937—1939 гг. в должности старшего научного сотрудника Ленинградского отделения Центрального института языка и письменности (ЛОЦИЯП), влившегося затем в Институт языка и мышления имени Н.Я.Марра Академии наук СССР⁵¹.

Этот период (1937—1941) ознаменован написанием трех новых больших исследований по языку. Два успевают выйти в свет до войны, в 1940 г. Это «Очерк грамматики эвенкийского языка» и «Эвенкийско-русский словарь», представляющие собой значительный вклад в лингвистическое тунгусоведение⁵². В «Очерке грамматики», состоявшем из разделов по фонетике, морфологии, синтаксису и лексике, впервые материалы эвенкийского языка были сведены в целостную систему. А «Словарь», содержащий уже около 10 тыс. слов, был не только вдвое больше по объему, чем предыдущий, 1934 г. издания, но и качественно отличался от него, будучи первым опытом составления практического словаря письменного эвенкийского языка. Третья крупная работа этого периода — «Очерки по диалектологии эвенкийского языка» — была завершена в 1941 г., одобрена Институтом языка и мышления имени Н.Я.Марра и не только подписана к печати, но и сдана в набор⁵³, однако начавшаяся война помешала выходу ее в свет, и этот труд был опубликован только в 1948 г.

Нельзя не упомянуть и еще одно важное направление деятельности Глафиры Макарьевны в 30-х годах, связанное с изданием оригинальной и переводной художественной и политико-просветительной литературы. Оно требовало больших затрат сил и времени, так как под руководством Василевич и с ее непосредственным участием было переведено и отредактировано свыше 50 таких произведений. Как писала она сама в автобиографии, «90% переводной литературы с 1934 по 1940 г. проведено при моем ближайшем участии как учителя переводчиков и редакторе. Вся оригинальная литература, выпущенная под моей редакцией, — результат моей работы с наиболее талантливыми эвенками»⁵⁴.

Война меняет всю ее жизнь, разрушая не только рабочие планы, но и отнимая самых дорогих, близких людей. Первый год войны, до июля 1942 г., Василевич находится в Ленинграде, переносит все ужасы блокады. Как и все жители осажденного Ленинграда, она участвует в земляных работах по укреплению обороны города, в частности в сентябре 1941 г. роет окопы в районе Рыбацкого. После окончания войны ей были присуждены две правительственные награды: в 1945 г. — медаль «За оборону Ленинграда» и в 1946 г. — медаль «За доблестный труд в Великой

Отечественной войне 1941—1945 г.». Несколько раз ей приходится менять место работы. В августе 1941 г. Пединститут имени А.И.Герцена сокращает штат, и Василевич возвращается в Институт народов Севера. Однако уже в марте 1942 г. Институт эвакуируют, но Василевич не уезжает, что, надо думать, было связано с тяжелым состоянием ее матери, у которой, по-видимому, уже не было сил для отъезда.

Глафира Макарьевна ищет новую работу в Ленинграде и 7 апреля 1942 г. обращается с заявлением на имя директора ИЭ С.М.Абрамзона. Мотивируя свою просьбу о предоставлении работы в Отделе Сибири, она пишет: «Я тунгусовед <...> Имею степень кандидата по тунгусскому-эвенкийскому языку и звание доцента. В Музее (имеется в виду МАЭ. — *Н.Е.*) работала по совместительству, в частности устраивала выставки <...> С 1925—31 г. вела курс этнографии тунгусо-маньчжурских племен в университете на Геофаке <...> За многие экспедиции в Сибирь у меня скопился большой материал, частично обработанный. Последняя тема, над которой я сидела несколько лет и которая требует еще года три работы, — это вопросы происхождения эвенкийских и др. тунгусо-маньчжурских племен по данным языка, фольклора и этнографии. С этой темой мне бы и хотелось стать сотрудником Института». Резолюция на заявлении гласит: «Зачислить Г.М.Василевич на должность старшего научного сотрудника Отдела Сибири с 10 апреля с окладом 1700 рублей»⁵⁵. Так на всю последующую жизнь определяется судьба Глафиры Макарьевны: отныне до самых последних дней, без малого тридцать лет, ее творчество будет связано в первую очередь с изучением этнографии и работой в ИЭ, хотя занятия лингвистикой она не оставляла никогда.

12 июля 1942 г., уже после смерти матери, Глафира Макарьевна эвакуируется вместе с Институтом в Казань, а затем в сентябре — в Ташкент, где и находится до марта 1944 г.⁵⁶ Несмотря на ухудшение здоровья после тяжелых месяцев блокады и неустроенность быта, Василевич продолжает интенсивно работать. Сохранилась выписка из приказа по Институту от 8 ноября 1943 г. (г. Ташкент) о премировании за успешную работу в 1943 г. (перевыполнение производственного плана, выполнение внеплановых работ и заданий) старшего научного сотрудника Василевич в размере двухнедельного оклада⁵⁷. В 1944 г. она завершает работу «Религиозные представления и действия эвенков» (5 а. л.)⁵⁸. Но ее главная задача — подготовить фундаментальный труд «Материалы языка, фольклора и этнографии к проблеме этногенеза тунгусов».

В марте 1944 г. Василевич специальным приказом Народного комиссариата просвещения вызывают из Ташкента в Москву в

командировку на полтора месяца «для работ над учебниками для народов Крайнего Севера». Затем ее командировку еще дважды продлевают, как сказано в приказе, «для окончания работы над учебником для эвенкийских школ»⁵⁹. В июне 1944 г. Василевич возвращается в полностью освобожденный от блокады Ленинград и приступает к своим основным обязанностям в Отделе Сибири МАЭ. С этого времени подавляющее большинство ее работ посвящено проблемам этнографии и опубликовано в различных изданиях Института. Однако публикации первого послевоенного времени (1945—1948) еще содержат в значительной степени сравнительный языковой материал, и все они написаны как бы на стыке лингвистики и этнографии. Очевидно, в этом сказывалась не только профессиональная подготовка в области языкознания, но и то, что основной исследовательской темой Глафиры Макарьевны в предшествующий военный период были «Материалы языка к проблеме этногенеза тунгусов». Этот огромный труд (30 а. л.) — первая часть задуманного фундаментального исследования — был завершен в 1945 г., но лежал в архиве, поэтому она начала публиковать выдержки из отдельных глав. Названия этих работ говорят сами за себя: «Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов», «Древнейшие языковые связи современных народов Азии и Европы». Был напечатан также автореферат монографии⁶⁰. Признанием научной значимости этих публикаций для этнографического сибиреведения можно считать то, что в 1947 г. Василевич было присвоено ученое звание старшего научного сотрудника по специальности «Этнография»⁶¹. Таким образом, она впервые получает официальное подтверждение своей профессиональной деятельности в качестве этнографа.

В течение 1946 г. Глафира Макарьевна продолжает работать над проблемой тунгусского этногенеза, особое внимание уделяя фольклорным материалам. К концу года она завершает этот труд объемом около 20 а. л.⁶², включающий разделы по этнонимике, межплеменным отношениям, отраженным в фольклоре, а также представлениям о вселенной и окружающей природе. Однако, как и «Материалы языка», эта работа находится в архиве, и лишь некоторые выдержки из ее глав были опубликованы со временем в виде отдельных статей⁶³.

В 1948 г. увидели свет две большие лингвистические работы, подготовленные Василевич еще перед войной: «Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка», еще в 1941 г. подписанные к печати, а также «Русско-эвенкийский (русско-тунгусский) словарь»⁶⁴, содержащий около 20 тыс. слов, над которым Глафира Макарьевна работала также с конца 30-х годов. До 1951 г. Васи-

левич продолжает участвовать в работе по изданию учебников для эвенкийской начальной школы⁶⁵.

И все же основной деятельностью Глафиры Макарьевны в 1947—1948 гг. было проведение двух длительных, общей продолжительностью более года, стационарных экспедиций в южные районы Якутии и Хабаровского края, в течение которых планировалось собрать недостающие материалы по всем основным группам восточного ареала расселения эвенков. Изучение этого региона было связано с продолжением работы над проблемой тунгусского этногенеза. Выехав из Ленинграда в конце марта 1947 г., Василевич вернулась домой только в феврале 1948 г. Маршрут экспедиции был окончательно выработан в Якутске, он включал четыре административных района — Тимптонский и Учурский в Якутии и Желтулакский и Зейско-Учурский в соседней Амурской (бывшей Читинской) области. Местные эвенки были сосредоточены здесь в нескольких охотничье-оленоводческих колхозах, в небольших таежных поселках. Чтобы добраться до каждого пункта, нужно было ехать десятки километров (например, до Сутамского колхоза 350 км) по тайге, где основным средством передвижения являлся олень. Поэтому Василевич пришлось преодолеть по тайге свыше 1500 км верхом на оленях в летне-осенний период и около 1000 км на нартах зимой⁶⁶.

В феврале 1948 г. Глафира Макарьевна на несколько месяцев вернулась в Ленинград, но уже летом она вновь в экспедиции. На этот раз в район своих исследований она добиралась через Хабаровск, а оттуда — к верховьям рек Урми, Амгуни и притокам Буреи в Кур-Урмийском и Верхне-Буреинском районах. В ноябре Василевич заканчивает экспедицию и приступает к интенсивной обработке собранных материалов. Это не только записи по этнографии, языку и фольклору, но также отснятые фото пленки и три новые коллекции примерно из 150 предметов, содержащие деревянные и берестяные игрушки, а также традиционные орнаменты и трафареты⁶⁷.

Но главное — теперь, после более чем года полевых исследований, она может снова заняться написанием статей. Работает упорно и продуктивно. В результате 1949 год ознаменован выходом восьми новых публикаций на самые разнообразные темы. Это и полевые материалы, причем не только последней поездки⁶⁸, но также и двадцатилетней давности, привезенные еще в 1930 г. от сымских эвенков⁶⁹, большое сравнительное исследование по одному из элементов одежды у народов Сибири⁷⁰, новое блестящее использование лингвистических материалов в решении этнографических проблем⁷¹, работы историко-этнографического плана⁷². Кроме того, еще не было опубликовано, но уже

завершено и принято к печати такое крупное исследование, как глава «Эвенки» (объемом 5 а. л.) для готовящегося тома «Народы Сибири» в академической серии «Народы мира»⁷³.

Продолжением этого плодотворного научного взлета стали и работы, вышедшие в 1950—1951 г. Наибольший интерес среди них представляют две, о которых необходимо сказать подробнее. Это, во-первых, большая статья об илимпийских эвенках, написанная на основе предметной коллекции В.Н.Васильева, — прекрасный пример использования музейных материалов в качестве этнографического источника⁷⁴ — и, во-вторых, написанная в соавторстве с М.Г.Левиным и получившая большую известность работа «Типы оленеводства и их происхождение»⁷⁵, которая составила важный этап в исследовании одной из сложнейших тем сибиреведения, связанной с возникновением самого распространенного в Северной Азии вида кочевого хозяйства.

Все это убедительно показывает, что в конце 40-х — начале 50-х годов Василевич переживала настоящий творческий подъем. Новые интересные публикации говорили о ее высоком научном профессионализме, размах работ свидетельствовал об огромной исследовательской работоспособности и самоотдаче. Однако опубликованные работы составляли лишь часть того, что было написано Глафирой Макарьевной в этот период. Самое значительное, над чем она неустанно трудилась, еще только готовилось к печати. Это было завершение рукописи «Материалы языка, фольклора и этнографии к проблеме этногенеза тунгусов», ее главного детища на протяжении последних десяти лет. Исследование состояло из трех частей, первая из которых, как уже упоминалось, — «Материалы языка» — была написана в годы войны и закончена в 1945 г. Вторую часть — «Материалы фольклора» (около 20 а. л.) — Василевич завершила в 1946 г. и вслед за этим сразу принялась за работу над третьей частью, посвященной этнографии. При этом она упорно дорабатывала уже написанное по языку и фольклору, постоянно внося туда дополнения и новые материалы, собранные в последних экспедициях. В то же время она стремилась уменьшить общий листаж, понимая, что издавать рукопись столь колоссального объема было совершенно нереально. Работа шла с фантастическим напряжением сил. По воспоминаниям людей, хорошо знавших Глафиру Макарьевну, она всегда отличалась исключительным трудолюбием и работоспособностью, проводя за письменным столом ежедневно не менее 12 часов, а в случае «срочной» работы и по 18 часов⁷⁶. Благодаря этому к началу 50-х годов исследование было завершено. Теперь оно составляло в общей сложности 50 а. л., из которых самой значительной частью по-прежнему ос-

тавались «Материалы языка», сокращенные до 28 а. л. «Материалы фольклора» насчитывали 13 а. л. и «Материалы этнографии» — более 9 а. л. Последние представляли собой пять глав, посвященных соответственно оленеводству, охоте, жилищу, одежде и колыбели. Каждая из глав была написана на широком сравнительном материале, привлечение которого позволило Василевич наметить время появления того или иного элемента культуры.

Такое фундаментальное комплексное исследование, без сомнения, должно было стать крупным событием в развитии тунгусоведения, представляя значительный шаг вперед и в лингвистическом, и в этнографическом аспектах. Каждая из трех больших частей этой колоссальной работы могла быть представлена в виде докторской диссертации, не говоря уже об исследовании в целом, и, по-видимому, Глафира Макарьевна предполагала заняться подготовкой к защите докторской. Во всяком случае, среди ее бумаг и документов, сохранившихся в Отделе Сибири МАЭ, есть свидетельства, подтверждающие это. Однако жизнь распорядилась иначе. 8 апреля 1952 г. Василевич была арестована и осуждена по ст. 58. Ее обвинили в том, что она «<...> в период с 1930—1939 гг. и с 1946 по 1951 г. в издаваемой учебной, художественной литературе на эвенкийском языке и научных статьях допускала искажения политического характера, протаскивала реакционные теории о языке, вульгаризировала в грубой натуралистической форме словари <...> В письме к одному из депутатов Верховного Совета РСФСР и в конспекте "Марксизм и национальный вопрос" клеветала на национальную политику КПСС и Советской власти»⁷⁷. Три месяца Василевич находилась под следствием, которое к началу июля признало ее виновной в преступлении, предусмотренном ст. 58—10, ч. 1 УК РСФСР. По приговору Судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского городского суда от 12 июля 1952 г. она была приговорена к лишению свободы на 10 лет, с поражением в правах на 5 лет и лишена медалей «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»⁷⁸. Но уже за месяц до этого, 9 июня, она была отчислена из штата ИЭ и ее личное дело передано в Архив Академии наук СССР⁷⁹.

Не согласившись с вопиюще несправедливым судебным решением, Глафира Макарьевна подала кассационную жалобу, однако определением Верховного Суда РСФСР от 19 августа 1952 г. эта жалоба была оставлена без удовлетворения⁸⁰. Так ставшая без вины виноватой известная, заслуженная, уже не очень молодая (57 лет) исследовательница была лишена всех прав и отправлена на 10 лет отбывать наказание в исправительно-трудовых лагерях. Неизвестно, как сложилась бы ее дальнейшая судьба, не исклю-

чено, что и трагически, если бы не два обстоятельства, которые можно назвать огромным везением. Во-первых, Василевич отправили не в суровую Воркуту или Колыму, а в Молотовскую (ныне Пермскую) область, местность с более мягким климатом, не столь губительным для здоровья в сравнении с Крайним Севером. И во-вторых, что самое главное, она была осуждена не в 1937, а в 1952 г., т.е. за год до смерти Сталина. Поэтому, к счастью, ей пришлось отсидеть не полный срок, а «всего лишь» три года. Появившийся уже 27 марта 1953 г. Указ «Об амнистии» давал надежду на скорейшее освобождение.

Однако реально Василевич отбывала наказание в местах лишения свободы еще полтора года, пока по постановлению Президиума Верховного Суда РСФСР от 30 июня 1955 г. она не была освобождена 18 июля 1955 г. «со снятием судимости». Получив билет на проезд, деньги на питание в пути, продовольствие на трое суток и поставив на справке № 0000736 расписку освобожденного, она последовала «к избранному месту жительства г. Ленинград»⁸¹.

Сразу по прибытии она обращается в Институт на старое место работы, 5 августа получает свою сланную три года назад в архив трудовую книжку⁸² и с 1 октября 1955 г., едва отдохнув от пережитых потрясений, приступает к нормальной трудовой деятельности в своей прежней должности старшего научного сотрудника Отдела Сибири. Наступает новый этап ее жизни и творчества. Ей 60 лет, и, несмотря на все испытания, еще есть здоровье и силы для продолжения любимой работы. Полтора десятка лет будет отпущено судьбой на новые исследования, которые стали замечательным венцом ее творческого пути. И, по отзывам сотрудников, работавших в то время рядом с Василевич, «она никогда в разговорах не возвращалась к теме несправедливого суда и наказания» и «в ее поведении не было нисколько озлобленности»⁸³. Как пишет Ж.К.Лебедева, близко соприкасавшаяся с Василевич в последние годы ее жизни, она не помнит, «чтобы Глафира Макарьевна когда-либо вспоминала горькое лагерное бытие, которое она достойно перенесла, оставшись выдержанной, доброжелательной, сохранив любознательность и любопытство к миру. В середине 60-х годов еще живы были "герои" драматических событий, по чьей вине, в том числе доносам, была оговорена и осуждена Глафира Макарьевна <...> Однажды я имела неосторожность отозваться нелестно в один адрес, на что тут же, бросив суровый взгляд, она отреагировала: "Ты не вправе кого-либо осуждать!"»⁸⁴.

В 1956 г., после четырехлетнего перерыва в публикациях, в томе «Народы Сибири» (серия «Народы мира») была напечатана

завершенная Глафирой Макарьевной еще до заключения глава «Эвенки». Несмотря на существенное сокращение — с пяти до трех авторских листов, — это было хорошее продолжение трагически прерванной работы. Участие в таком крупном коллективном издании ИЭ, получившем мировую известность и опубликованном вскоре в США на английском языке, стало важной вехой в научной биографии Василевич. Она снова в работе, у нее много творческих планов, нужно спешить наверстать упущенное, не по своей вине потерянное время.

И прежде всего ей хотелось издать то, что уже давно было готово и более десятка лет пылилось на полках архива. Она вновь обращается к этим рукописям, дорабатывает и частично сокращает их до более компактного издательского объема. В результате одна из таких работ, завершенная еще в 1944 г., вышла наконец в 1957 г. под названием «Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков»⁸⁵. Эта публикация стала несомненной творческой удачей. Написанная целиком на основе собственных полевых материалов, собранных у разных групп эвенков в экспедициях 1929, 1930, 1935—1936 и 1947—1948 гг., эта большая статья вводила в научный оборот очень интересные, до того неизвестные или малоизвестные данные об обрядовой стороне культуры эвенков. Ритуалы добывания охотничьего счастья, посвящения оленя, медвежьих церемонии впервые были рассмотрены достаточно подробно и глубоко. Здесь же был впервые описан уникальный обряд *икэшипкэ* — «обновления жизни», который Василевич наблюдала у сымских эвенков в 1930 г.

Кроме того, Глафира Макарьевна не оставляла надежды на издание «Материалов языка к проблеме этногенеза тунгусов». Эту идею поддерживали известные лингвисты, занимавшиеся проблемами алтаистики. Известны, например, положительные отзывы на данную работу профессоров В.И.Цинциус и А.Н.Кононова. В связи с тем что в 1960 г. в Ленинграде планировалось проведение 25-го Международного конгресса востоковедов, они писали в 1958 г., что «желательно скорейшее опубликование интересного по широте постановки вопросов этногенеза по данным языка труда Г.М.Василевич, тем более что в области алтаистики за последние годы не было сколько-нибудь значительных публикаций такого охвата»⁸⁶. К сожалению, несмотря на все усилия, этот труд так и не был опубликован и лишь незначительная его часть вошла в отдельные публикации⁸⁷.

Более удачно складывалась судьба лексикографических работ Василевич, что, очевидно, объяснялось лучшим финансированием Государственного издательства иностранных и национальных словарей. Очередной Эвенкийско-русский словарь, подготов-

ленный Глафирой Макарьевной и увидевший свет в этом издательстве в 1958 г., стал ее последней крупной работой в области языкознания. Он включал около 25 тыс. слов, составляя 60 а. л. Это был самый большой словарь, созданный Василевич, пятый по счету (после двух эвенкийско-русских и двух русско-эвенкийских словарей), завершающий начатую ею выпуском в 1934 г. небольшого диалектологического словаря огромную работу в области лексикографии. К словарю прилагался грамматический очерк эвенкийского литературного языка с характеристикой диалектов и карта, показывающая их распространение. Выход столь крупного словарного издания был высоко оценен специалистами, в том числе и за рубежом, о чем свидетельствуют отзывы таких известных исследователей в области алтаистики, как К. Менгес, И. Бенциг, О. Прицак⁸⁸. Словарь стал ценнейшим пособием не только для лингвистов и переводчиков, он незаменим также и для этнографов, которые опираются на его материалы как на надежный научный источник, помогающий в изучении того или иного явления культуры и истории эвенков.

И все-таки главным содержанием деятельности Глафиры Макарьевны остается этнография. Она активно включается в работу Отдела Сибири и участвует во всех крупнейших изданиях ИЭ. Ее статьи начинают ежегодно выходить в «Сборниках МАЭ», «Трудах» и «Кратких сообщениях» Института, в журнале «Советская этнография». Каждая новая тема, разрабатываемая Василевич, затрагивает важную исследовательскую проблему и содержит интересный сравнительный материал. В конце 50-х годов ее привлекают данные по одежде и колыбели, в обращении к которым она видит хорошую научную перспективу. В 1957—1958 гг. выходят две первые работы, освещающие эти сюжеты: «К проблеме этногенеза тунгусо-маньчжуров (по материалам изучения колыбелей)» и «Тунгусский кафтан (к истории его развития и распространения)»⁸⁹. Обе написаны в этногенетическом аспекте, который по-прежнему более всего интересует исследователя. Немного позднее, в начале 60-х годов, выйдут еще две значительные публикации, продолжающие разработку этой тематики на широком сибирском материале, — «Тунгусская колыбель (в связи с проблемой этногенеза тунгусо-маньчжуров)» и «Типы обуви народов Сибири»⁹⁰. И в каждой публикации Василевич выступала научным первопроходцем, поднимавшим тяжелую исследовательскую целину. Свежая мысль, новизна подходов, никаких банальностей или повторов уже написанного до нее. Во всем сказывается пылкий ум, великолепное владение материалом и прекрасная базовая подготовка, основы которой были заложены еще в студенческие годы в школе Л.Я.Штернберга и В.Г.Богоразы, а

затем развиты в период преподавания этнографии в Ленинградском университете и во время продолжительной работы в «поле».

В это же время Василевич приступает к написанию своего основного этнографического труда — монографии «Эвенки». Эта работа проходит по плану Отдела Сибири в 1958—1960 г. Всего за три года огромная рукопись была завершена, обсуждена в Отделе и представлена Ученым советом Ленинградской части ИЭ на Совет ИЭ в Москву. Почти 500 страниц текста, 110 фотографий и рисунков, 8 карт-схем и приложение «Список родовых названий, записанных в XVII—XX вв., и их распространение» — общий объем 35 а. л. К величайшему сожалению, эта интереснейшая работа, представляющая собой первое крупное этнографическое исследование истории и культуры эвенков, увидела свет только в 1969 г., притом в значительно сокращенном, урезанном виде. Был сильно уменьшен иллюстративный материал, пострадали главы исторического характера и разделы по традиционной культуре, наконец, была совсем выброшена последняя, третья часть, в которой рассматривалась история советского кооперативного и культурного строительства. Такое сокращение не могло не отразиться на качестве исторической части и главах по традиционной культуре, что в значительной степени исказило первоначальное содержание работы и сыграло основную роль в том, что монография «Эвенки», как отмечалось выше, после выхода в свет наряду с положительными отзывами вызвала также и нелестную критику.

Что касается последней части исследования, посвященной советскому периоду истории эвенков, то она так и осталась неопубликованной, хотя Глафира Макарьевна вложила в ее написание огромный труд, связанный с собиранием необходимых материалов, с их обработкой, анализом, научной интерпретацией. О том, насколько серьезно готовила Василевич эту часть монографии, говорит тот факт, что во время написания книги она дважды, в 1959 и 1960 г., специально выезжала в «поле», чтобы на месте познакомиться с происходящими изменениями и довести исследование до самого последнего времени. Первая из этих экспедиций была предпринята в Катангский район Иркутской области, в район верхнего течения Нижней Тунгуски. Эта поездка, в которой Г.М.Василевич работала совместно с двумя московскими коллегами — этнографом Ю.Б.Стракачом и антропологом Ю.Г.Рычковым, состоялась в июне—августе 1959 г. А спустя год, летом 1960 г., Глафира Макарьевна побывала в Эвенкийском национальном округе, где она работала вместе с фотографом и посетила пять эвенкийских колхозов в Байкитском и Илимпейском районах.

В обеих экспедициях ей удалось собрать прекрасные полевые материалы, по которым были представлены научные отчеты и докладные записки. Что касается публикаций, то эти материалы были предназначены для использования в последней части монографии и поэтому к отдельному выходу не готовились. Лишь одна статья, посвященная традиционному и современному быту эвенков Катангского района, была опубликована в «Трудах» ИЭ в 1962 г.⁹¹. Все остальное осталось лежать в архиве.

Глафире Макарьевне не суждено было увидеть опубликованной еще одну работу — «Заселение эвенками енисейской тайги» (4,5 а. л.), которая была написана в 1961 г. на основе литературных, архивных и полевых источников XVIII—XX вв. Она вышла уже посмертно в сборнике, посвященном ее памяти⁹².

Однако не все было так безнадежно. И если большие рукописи годами ожидали своего выхода в свет, то работы меньшего объема имели вполне благополучную судьбу. А Василевич благодаря своей целеустремленности и потрясающей работоспособности успевала писать и «в стол», и для издания. Так, в 1961 г. было опубликовано уникальное фундаментальное издание ленинградских этнографов-сибиреведов «Историко-этнографический атлас Сибири», в котором перу Василевич (совместно с М.Г.Левиным) принадлежал раздел «Оленный транспорт» — большая яркая работа, продолжившая изучение северного оленеводства, начатое этими исследователями в 1951 г. Через несколько лет Г.М.Василевич подготовит новую разработку темы оленеводства, на этот раз на тунгусском материале, и представит ее в виде доклада на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, проходившем в 1964 г. в Москве⁹³.

С конца 1950-х годов начинается еще одна страница творческой биографии Василевич, связанная с ее участием в организации исследований эвенкийского языка и фольклора в Якутском институте языка, литературы и истории. Эта работа, проводившаяся якутскими лингвистами А.В.Романовой и А.Н.Мыреевой под непосредственным руководством Василевич, продолжалась более десяти лет, до самой смерти Глафиры Макарьевны. Результатом этой совместной деятельности явился выпуск четырех крупных изданий по языку и фольклору эвенков Якутии, каждый из которых выходил с предисловием Василевич и под ее общей редакцией⁹⁴. Благодаря такому тесному сотрудничеству у Василевич сложились очень теплые взаимоотношения с коллегами из Якутска, и ее помощь и забота об их научной деятельности выразилась впоследствии в том, что она завещала свою личную библиотеку, включавшую работы многих известных этнографов, историков, лингвистов, а также 15 фотоальбомов о результа-

Г.М.Василевич. 60-е годы

тах своих экспедиционных поездок к эвенкам (1925—1969) Якутской республиканской библиотеке им. А.С.Пушкина⁹⁵.

В 1962 г. Глафира Макарьевна выполняет новую крупную работу, обработав и подготовив к изданию тексты исторического фольклора эвенков (сказания и предания), которые она собирала во время своих экспедиционных исследований в течение 25 лет, начиная с 1935 г. по 1960 г. Теперь она сделала к ним литературный перевод и написала введение и научный комментарий. В 1966 г. этот огромный труд объемом 31,5 а. л. — работа, достойная целого коллектива исследователей, — вышел из печати под названием «Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания». Трудно переоценить значение этого великолепного издания, содержащего в общей сложности 63 текста героических сказаний и преданий. Выдающийся исследователь фольклора Б.Н.Путилов охарактеризовал эту книгу как «фундаментальный научный свод произведений этого жанра <...> отражающих эпический репертуар всех основных групп эвенков <...> Запись, перевод и двуязычная публикация текстов осуществлены на высоком филологическом уровне и в соответствии с современными требованиями фольклорной текстологии. Это позволяет фольклористам, не владеющим тунгусскими языками, пользоваться

книгой как надежным источником и привлекать опубликованные в ней тексты для историко-филологических исследований»⁹⁶.

Еще более важен этот сборник для тунгусоведов лингвистов и этнографов. Все тексты опубликованы на диалектах исполнителей и сопровождаются не только переводами, но и обстоятельными историческими комментариями, содержащими множество сведений по истории эвенков, их быту, верованиям, космогонии, шаманским представлениям и т.д.

Издание «Исторического фольклора эвенков», получившее большой научный резонанс, сыграло немаловажную роль в том, что примерно с середины 60-х годов для Василевич наступает новый этап ее творческого пути. Она уже давно хорошо известна в мире науки и у себя на родине, и за рубежом. Ее называют крупнейшим тунгусоведом, созданные ею труды пользуются всеобщим признанием и входят в основной фонд исследований по этой тематике; широтой своих научных интересов, в равной степени включающих этнографию, фольклористику и языкознание, она выделяется среди всех других тунгусоведов. К ней обращаются за консультациями из центральных и сибирских научных учреждений, приезжают коллеги из-за границы. Каждый год выходят новые интересные публикации, многие из них издаются за рубежом⁹⁷. И в то же время Г.М.Василевич не являлась доктором наук, хотя для многих было совершенно бесспорным, что она уже давно заслуживала присуждения этого звания, причем в области как исторических, так и филологических наук (по отзыву В.И.Цинциус в ноябре 1967 г.)⁹⁸.

Ситуация начинает меняться в 1967 г., после того как в печать была наконец сдана монография «Эвенки», написанная Г.М.Василевич уже более пяти лет назад. И почти вслед за этим Сектор Сибири Ленинградской части ИЭ обратился в дирекцию Института с просьбой ходатайствовать перед Всесоюзной аттестационной комиссией (ВАК) о присвоении Василевич ученой степени доктора исторических наук по совокупности работ. Дирекция и Ученый совет Института поддержали эту инициативу и после прохождения необходимых процедур Президиум ВАК постановлением от 19 июля 1968 г. разрешил Василевич представить к защите вместо докторской диссертации совокупность выполненных и опубликованных работ.

Глафира Макарьевна по опубликованным работам готовит в качестве автореферата доклад «Эвенки (к проблеме этногенеза тунгусов и этнических процессов у эвенков)» и 12 декабря 1968 г. на заседании Ученого совета ИЭ в Москве успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук, утвержденную решением ВАК СССР 16 мая 1969 г.⁹⁹.

Официальными оппонентами на защите выступали такие известные исследователи, как С.А.Токарев (отзыв этнографа), К.В.Чистов (отзыв фольклориста) и В.И.Цинциус (отзыв лингвиста). Все они дали работам Василевич самую высокую оценку, и некоторые краткие выдержки из их выступлений хотелось бы здесь привести:

«Объем и высокое качество работ Г.М.Василевич с избытком превышает ту норму научных заслуг, которая дает человеку право на присуждение ученой степени доктора исторических наук» (С.А.Токарев).

«Если бы Г.М.Василевич претендовала на степень доктора исторических наук как фольклорист, если бы даже ее лингвистических и этнографических работ не существовало, она имела бы бесспорное право на это. И в этом случае сегодняшняя защита была бы формальным выражением того признания, которое давно заслужили ее работы по фольклору эвенков» (К.В.Чистов)¹⁰⁰.

Вернувшись после успешной защиты домой, в Ленинград, Василевич сразу без всякой передышки включается в свой обычный трудовой ритм. Уже ровно через неделю, 17 декабря 1968 г., на заседании Сектора Сибири вновь обсуждается ее работа «Материалы языка, фольклора и этнографии к проблеме этногенеза тунгусов». Рукопись представлена теперь в значительно переработанном и сильно сокращенном виде, что было сделано в основном за счет этнографической части, так как монография «Эвенки» уже находилась в печати. Теперь «Материалы» составляли вместе с иллюстрациями 29 а. л. Решением Сектора, принятым совместно с тремя независимыми рецензентами, которыми являлись такие авторитетные исследователи, как А.П.Окладников, Б.Н.Путилов и В.И.Цинциус, работа Василевич была рекомендована для утверждения к печати и введения ее в издательский план Института¹⁰¹. В очередной раз появилась надежда, что рукопись удастся опубликовать, но, к сожалению, ей не суждено было сбыться, и лишь отдельные разделы, прежде всего из фольклорной части, увидели свет в последние годы жизни Василевич, а также были изданы посмертно¹⁰².

Последним изданием в ряду крупных монографических работ Глафиры Макарьевны стала, как уже отмечалось, книга «Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — нач. XX в.)». Это была первая и до сих пор единственная обобщающая работа по этнографии эвенков, дающая глубокое и целостное представление об их истории, культуре, хозяйстве, социальном устройстве и мировоззрении. Книга, ставшая своего рода энциклопедией жизни эвенков, вышла в 1969 г., за два года до смерти Глафиры Макарьевны, подведя определенный итог ее этнографическим исследованиям.

В том же году состоялась и последняя экспедиция Василевич. Несмотря на солидный возраст — 74 года, она еще раз побывала на юге Якутии и в Амурской области, посетив эвенкийские поселки Первомайский, Тында и Золотинка, где до этого работала в 1947 г.

В поселке Иенгра, как теперь называется бывшая Золотинка, Василевич хорошо помнят и по сей день. Летом 2000 г., находясь там в экспедиции, мы смогли в этом убедиться сами. Правда, уже не осталось стариков, с которыми Глафира Макарьевна работала, собирая полевые материалы, но местные жители с большим уважением отзываются о ней, зная, что она написала об эвенках много книг, а также учебников по языку и прекрасно сама говорила по-эвенкийски. В 1995 г., когда отмечали 100-летний юбилей Василевич, средней школе-интернату в Иенгре было присвоено ее имя. Там висит теперь большая фотография Глафиры Макарьевны, есть уголок ее памяти, и школьники знают, почему она так знаменита в народе.

Имя Василевич среди эвенков известно повсюду, и, бывая в разных местах, всегда убеждаешься в этом. Представители интеллигенции — учителя, работники культуры — часто просят прислать ее книги, что трудно сделать, так как они давно уже стали библиографической редкостью. Старики нередко сами делятся воспоминаниями о ней — своими собственными или услышанными от кого-то. Ее называли «эвенка из Ленинграда» за то, что она говорила по-эвенкийски как на родном языке. «Красивая, смелая такая, шутница. Лучше эвенка по-нашему лопочет». Некоторые истории о ней приобрели легендарный характер, как, например, та, что рассказывает о ее встрече с медведем, которого она застрелила. «Вот это девушка была! Энгэси у нее имя теперь»¹⁰³. Энгэси по-эвенкийски значит «сильная» — так удивительно точно в одном слове выразили эвенки суть ее характера, благодаря которому она справлялась с любыми сложностями, каких бы сторон жизни они ни касались.

Рано начав трудиться, Глафира Макарьевна всегда отличалась огромной работоспособностью и безграничной преданностью избранному делу. Могла работать в любых условиях, будь то экспедиционная неустроенность, тяготы войны в блокаду и эвакуацию, не слишком благоустроенное собственное жилье (эта проблема возникла в результате ее необоснованного осуждения). Лишь в самые последние годы жизни она вступила в жилищный кооператив. Как вспоминает Ж.К.Лебедева, «Глафиру Макарьевну никогда не занимали бытовые вопросы. Она жила в достаточно скромных условиях, никого не обременяя своими проблемами личного характера. У нее не было семьи, не было своей квар-

тиры, и личная сторона ее жизни была закрыта для других. Пройдя трехлетний лагерный путь в Молотовской области, она вернулась в Ленинград, где ее приютила в своей квартире подруга по Петровской женской гимназии, которую Глафира Макарьевна закончила в 1912 г.»¹⁰⁴.

Надо полагать, что и тяжелейший лагерный период, на три года отнявший у нее свободу и любимую работу, не смог лишить ее возможности размышлять, думать о науке, строить планы будущих исследований. Такого же отношения к науке она требовала от своих учеников. Вновь обратимся к воспоминаниям Ж.К.Лебедевой, которая познакомилась с Василевич в августе 1967 г. Вначале она показалась ей «суровым, немногословным и чрезвычайно требовательным человеком. Помню, пришел срок утверждения плана-проекта диссертации, и Глафира Макарьевна пригласила для собеседования со мной Б.Н.Путилова. У меня до сих пор сохранился черновик этого проекта с пометками, где ее рукой внесено, в частности, слово-добавление — "целомудренная". По-видимому, она считала его принципиально важным для характеристики эпической героини. Это не случайное вкрапление в портретную ткань богатырши раскрывает нравственный мир самой Глафиры Макарьевны. Она заботилась о моей научной подготовке и тогда, когда отправлялась на отдых, который, как правило, проводила в туристических поездках и экскурсиях. Иногда от нее приходили письма делового содержания, но в них сквозила нежная забота учителя. В конце, прощаясь, непременно делала приписку типа: "Работай, помни, что отдых тебе не положен". Часто, часов в десять вечера, она звонила в аспирантское общежитие и говорила коротко: "Я завершила свои дела, приезжай сейчас со своими записями". В воскресные зимние дни, вернувшись с лыжных прогулок, приглашала на обед с последующей консультацией и просила дать очередной фрагмент рукописи диссертации»¹⁰⁵.

Сила характера Василевич проявлялась и в особой научной честности, когда ни в одной из своих работ она не допустила ни оголтелой критики шаманства, ни пафосного восхваления ленинской национальной политики, а всегда писала только то, что имело непосредственное отношение к исследованию. И даже после тяжелых испытаний в лагере она не потеряла этой подлинной свободы научного мышления, на которую способен, к сожалению, далеко не каждый ученый, особенно в гуманитарной, т.е. наиболее идеологизированной, области науки. Об этом говорят ее полевые отчеты, написанные по результатам последних экспедиционных поездок 1959, 1960 и 1969 гг., а также докладные записки, которые подавались тогда после экспедиций в

органы власти. В них по-прежнему нет ни украшательства, ни стремления камуфлировать ситуацию, а написано то, что действительно беспокоит исследователя, который видит, что в обустройстве жизни на Севере далеко не все делается правильно. Так до самых последних лет она сохраняла удивительную силу духа и способность отстаивать свое научное мнение, невзирая ни на какие внешние обстоятельства.

Такой Василевич и ушла из жизни 22 апреля 1971 г. Она умерла после тяжелой неизлечимой болезни, которая внезапно обрушилась на нее и за четыре месяца привела к неизбежному трагическому исходу. «Мы все видели, — вспоминает Ж.К.Лебедева, — как она боролась с тяжелым недугом. Обычно перед обедом Глафира Макарьевна, даже в непогоду, преодолевая мучительные боли, непременно выходила на прогулку. Надо заметить, что, несмотря на ее строгий, даже суровый внешний вид в больничных условиях, она казалась беззащитной и с какой-то детской послушностью выполняла все предписания врачей. За неделю до ухода из жизни мы с сотрудниками Сектора Сибири пришли ее навестить. В тот день была Пасха, и В.П.Дьяконова принесла кулич и клюквенный кисель. Силы уже покидали ее, она стала путать наши имена. Мы поняли, что в последний раз слышим ее живой голос и ловим ее взор, обращенный к нам с благодарностью. В последнее, роковое утро я пришла к ней, чтобы облегчить ее страдания, и вдруг увидела совершенно другую Глафиру Макарьевну. Она обратилась ко мне с просьбой приготовить уху из свежей рыбы и, как прежде, поинтересовалась моими аспирантскими делами, почему-то при этом сказав, чтобы впредь я обращалась за консультациями к Б.Н.Путилову. К 12.30 я вернулась с выполненной просьбой, но ее уже в палате не было. На тумбочке стояла пасха и церковная свеча»¹⁰⁶.

Глафире Макарьевне было 76 лет, когда она умерла. Она успела сделать так много, что кажется, будто работал не один человек, а целый научный коллектив. Ее труды, охватывающие практически все стороны жизни эвенков, включая их язык, культуру и историю, внесли огромный вклад не только в область историко-этнографического и историко-лингвистического изучения народов Сибири, но и в отечественную этнографию в целом. Впечатляет уже одно только простое перечисление наиболее глобальных разработанных Василевич исследовательских направлений. Это проблемы этногенеза и классификации тунгусо-маньчжурских языков, эволюция хозяйства (включая происхождение оленеводства) и традиционного мировоззрения — от самых ранних космогонических представлений до развитого шаманства, историческая специфика фольклорных сюжетов, и такой акту-

альный для исследований эвенков аспект, как соотношение общего и регионального в их культуре, формирование отдельных элементов в одежде (кафтан, нагрудник, типы обуви), транспорте (лыжи, лодки, нарты), хозяйственно-бытовом укладе (жилище, колыбель), и сложение традиционной культуры эвенков в целом, наконец, общественный строй и развитие этноса в XX столетии. Широкий круг проблем, но на первом плане для Василевич всегда были вопросы этногенеза и этнической истории тунгусоязычных народов, составившие самостоятельную и чрезвычайно важную область ее научных исследований.

С самого начала проблема этногенеза была поставлена Василевич очень широко, в тесной связи с чрезвычайно сложной группой вопросов по истории заселения Северной Азии и происхождения монголоязычных, тюркоязычных и других, вплоть до индоевропейских, народов. Ее концепция сразу строилась на очень смелых выводах о последовательных стадиях языкового развития на территории Сибири и шире — Евразии и затем постепенно за годы упорного исследовательского труда совершенствовалась и уточнялась на основе всех имеющихся источников, главным из которых наряду с лингвистикой стал этнографический, этнонимический и фольклорный материал с привлечением также археологии и антропологии. Все работы Василевич по проблемам эвенкийского этногенеза отличаются комплексным лингвистико-этнографо-фольклористическим подходом, и в этом отношении еще никто не сделал больше, чем она, хотя в последние десятилетия появились новые имена и новые труды в области тунгусоведения.

Конечно, Василевич удалось решить не все проблемы. Они настолько сложны, что научные споры вокруг многих из них продолжаются и поныне, спустя 30 лет после ухода Глафиры Макарьевны. Однако ее концепция этногенеза до сих пор является основной, и лишь время от времени в нее вносятся некоторые уточнения. Не потеряли своего значения и разработанные Глафирой Макарьевной вопросы формирования эвенкийской этнической культуры. Региональные же исследования, проведенные Г.М.Василевич практически по всем группам эвенкийского этноса, стали надежной основой для дальнейшего развития тунгусоведения. Особую актуальность приобрели в последнее время ее изыскания в области шаманства, верований, пространственных представлений, а также социальной организации эвенков. Статьи Василевич по этой тематике, в том числе и самые последние, изданные уже посмертно¹⁰⁷, имеют огромное значение для понимания сложнейших процессов развития традиционного мировоззрения и общественного устройства.

Невозможно переоценить вклад Глафиры Макарьевны в тунгусоведение и сибиреведческую науку в целом. Своими трудами она не только кардинально продвинула эти исследования, но и создала прочный фундамент для их плодотворного продолжения.

¹ О несомненном признании на родине говорит тот факт, что последние 30 лет своей жизни Г.М.Василевич работала в ведущем этнографическом центре страны — Институте этнографии Академии наук СССР, где она занимала должность старшего научного сотрудника Отдела (на протяжении ряда лет — Сектора) Сибири. Была доктором исторических наук, автором более 200 публикаций, участвовала в международных научных симпозиумах, имела государственные награды. О широкой известности исследований Василевич за рубежом свидетельствуют опубликованные там положительные отзывы на ее работы, например: *Jettmar K.* Zum Problem der tungusischen 'Urheimat'. — *Kultur und Sprache*. 1952, Jg. IX, S. 488—489, 498—500; *он же.* Zu den Anfängen der Rentierzucht. — *Anthropos*. 1952, Bd. 47, S. 739—755, *Menges K.* Linguistische und ethnologische Bemerkungen zum Tungusischen — *Anthropos*. 1965, Bd. 60, S. 591—608.

² *Васильков Я.В., Гришина А.М., Перченко Ф.Ф.* Репрессированное востоковедение. Востоковеды, подвергшиеся репрессиям в 20—50-е годы. — *Народы Азии и Африки*. 1990, № 4, с. 118

³ *Решетов А.М.* Репрессированная этнография люди и судьбы — Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 5—6. СПб., 1994, с. 357—359.

⁴ Г.М.Василевич — крупнейший советский тунгусовед (К 70-летию со дня рождения). Якутск, 1965. 48 с.

⁵ *Цинциус В.И.* Памяти Г.М.Василевич. — *Вопросы языка и фольклора народностей Севера*. Якутск, 1972, с. 241—251.

⁶ *Таксами Ч.М.* Глафира Макарьевна Василевич (некролог). — *СЭ*. 1971, № 5, с. 184—186.

⁷ *Степанов Н.Н.* Глафира Макарьевна Василевич (К 70-летию со дня рождения). — *ИВГО*. 1965, т. 97, вып. 4, с. 380—381.

⁸ *Гурвич И.С., Долгих Б.О., Туголуков В.А.* [Рец. на:] *Г.М.Василевич*. Эвенки. — *СЭ*. 1971, № 1, с. 166—168.

⁹ *Смоляк А.В., Соколова З.П.* [Рец. на:] *Г.М.Василевич*. Эвенки. — *СЭ*. 1971, № 1, с. 163—166.

¹⁰ *Ермолова Н.В.* Глафира Макарьевна Василевич и современные проблемы тунгусоведения. — 285 лет Петербургской Кунсткамере. СПб., 2000, с. 205—212.

¹¹ *Новикова Ю.* Сквозь таежные дебри. — *Пионер*. 1957, № 3, с. 27—32.

¹² К сожалению, структура сборника не позволяет поместить эти воспоминания как отдельное приложение, но в значительной степени они использованы в нашей статье, за что мы выражаем Жанне Карувне Лебедевой искреннюю признательность и благодарность.

¹³ Документ хранится в Отделе Сибири МАЭ.

¹⁴ *Решетов А.М.* Репрессированная этнография, с. 357; *Цинциус В.И.* Г.М.Василевич. — Г.М.Василевич — крупнейший советский тунгусовед (К 70-летию со дня рождения), с. 7.

¹⁵ *Штернберг С.А.* Л.Я.Штернберг и ленинградская этнографическая школа. — *СЭ*. 1935, № 2, с. 140—141; Из текущей жизни Географического института. — *Бюллетень Географического института*. 1922, № 5—6, с. 20; *Гаген-Торн Г.И.* Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы. — *СЭ*. 1971, № 2, с. 138—141.

¹⁶ *Станюкович Т.В.* Из истории этнографического образования (Ленинградский географический институт и географический факультет ЛГУ). — *Очерки*

истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1971 (ТИЭ. Нов. сер., т. 95, вып. V), с. 127; материалы, хранящиеся в Отделе Сибири МАЭ.

¹⁷ Штернберг С.А. Л.Я.Штернберг и ленинградская этнографическая школа, с. 141.

¹⁸ Материалы, хранящиеся в Отделе Сибири МАЭ.

¹⁹ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, д. 521, л. 17; материалы, хранящиеся в Отделе Сибири МАЭ.

²⁰ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, д. 521, л. 17.

²¹ В дореволюционной литературе тунгусами называли несколько народов, говоривших на близкородственных (тунгусских) языках. В 1930-е годы за ними были закреплены новые этнонимы — эвенки, эвены и негидальцы. С тех пор наименование «тунгусы» стало использоваться чаще всего как синоним или старое название эвенков, поскольку по отношению к эвенкам в XIX в. употреблялось также название «ламуты».

²² Материалы хранятся в Отделе Сибири МАЭ.

²³ Василевич Г.М. На Нижней Тунгуске. — Северная Азия. 1926, кн. 5—6, с. 150.

²⁴ Василевич Г.М. На Нижней Тунгуске, с. 150—157; она же. Токминские тунгусы. — Советский Север. 1930, № 5, с. 27—38.

²⁵ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, д. 521, л. 17; Цинциус В.И. Памяти Г.М.Василевич, с. 242.

²⁶ Цинциус В.И. Памяти Г.М.Василевич, с. 242.

²⁷ МАЭ. Колл. № 3515; Василевич Г.М. Игры тунгусов. — Этнограф-исследователь. 1927, № 1, с. 150—157.

²⁸ Цинциус В.И., Горцевская В.А. Изучение тунгусо-маньчжурских языков Советского Союза за 40 лет. — Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института имени А.И.Герцена. 1960, т. 167, с. 21, 23.

²⁹ Среди первых учениц Г.М.Василевич в Институте народов Севера была и мать Ж.К.Лебедевой, закончившая Институт в 1935 г.

³⁰ Василевич Г.М. Памятка тунгусам-отпускникам. Стеклограф. Л., 1928. 30 с.

³¹ Кронгауз Ф.Ф. Крупный ученый и педагог эвенкийского народа. — Г.М.Василевич — крупнейший советский тунгусовед, с. 14.

³² Василевич Г.М. Первая книга для чтения на тунгусском языке. Стеклограф. Л., 1929. 28 с.

³³ Кронгауз Ф.Ф. Крупный ученый и педагог..., с. 15.

³⁴ Василевич Г.М. Некоторые данные по охотничьим обрядам и представлениям у тунгусов. — Этнография. 1930, № 3, с. 57—67.

³⁵ Выставка первобытных орудий и оружия. Путеводитель. Л., 1927. 13 с.

³⁶ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, д. 521, л. 1.

³⁷ МАЭ. Колл. № 4103.

³⁸ Василевич Г.М. Сымские тунгусы. — Советский Север. 1931, № 2, с. 132—152; она же. К вопросу о тунгусах, кочующих к западу от Енисея. — Советский Север. 1931, № 10, с. 133—145.

³⁹ Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М., 1985.

⁴⁰ Василевич Г.М. Корятообразная нарта сымских эвенков. — Сб. МАЭ. 1949. т. 10, с. 93—97; она же. Тунгусский нагрудник у народов Сибири. — Сб. МАЭ. 1949, т. 11, с. 42—61; она же. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков. — Сб. МАЭ. 1957, т. 17, с. 151—186.

⁴¹ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, д. 521, л. 39—40.

⁴² Василевич Г.М. Начальная тунгусская книга. М., 1931. 156 с.

⁴³ Материалы, хранящиеся в Отделе Сибири МАЭ; ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, д. 521, л. 17.

- ⁴⁴ *Василевич Г.М.* Эвенкийско-русский (тунгусско-русский) диалектологический словарь. С приложением введения и карты распространения диалектов. Л., 1934, с. III—IV.
- ⁴⁵ *Василевич Г.М.* Учебник эвенкийского (тунгусского) языка. Для курсов по переподготовке учителей эвенкийских школ. Л., 1934, 160 с.
- ⁴⁶ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, д. 521, л. 6.
- ⁴⁷ *Чистов К.В.* Фольклористические работы Г.М.Василевич. — Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1972, с. 115.
- ⁴⁸ *Василевич Г.М.* Материалы по фольклору эвенков Сибири. — Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Сост. Г.М.Василевич. Л., 1936.
- ⁴⁹ *Цинциус В.И.* Памяти Глафиры Макарьевны Василевич, с. 245—246.
- ⁵⁰ Документы, хранящиеся в Отделе Сибири МАЭ; ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, д. 521, л. 17.
- ⁵¹ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, д. 521, л. 17, 44—45.
- ⁵² *Василевич Г.М.* Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1940; Эвенкийско-русский (тунгусско-русский) словарь. Сост. Г.М.Василевич. М., 1940.
- ⁵³ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, д. 521, л. 17.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же, л. 1.
- ⁵⁶ Там же, л. 7.
- ⁵⁷ Там же, л. 8.
- ⁵⁸ Там же, л. 29.
- ⁵⁹ Материалы Г.М.Василевич, хранящиеся в Отделе Сибири МАЭ.
- ⁶⁰ *Василевич Г.М.* Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов. — СЭ. 1946, № 4, с. 34—49; *она же.* Материалы языка к проблеме этногенеза тунгусо. — КСИЭ. М., 1946, вып. 1, с. 46—50; *она же.* Древнейшие языковые связи современных народов Азии и Европы. — ТИЭ. Нов. сер. 1947, т. 2, с. 206—232.
- ⁶¹ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, д. 521, л. 24, 27.
- ⁶² Там же, л. 27.
- ⁶³ *Василевич Г.М.* Фольклорные материалы и племенной состав эвенков (тунгусов). — Труды Второго Всесоюзного географического съезда. М., 1949, т. 3, с. 355—364; *она же.* Ранние представления о мире у эвенков (материалы). — Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., Л., 1959 (ТИЭ. Нов. сер., т. 51), с. 157—192.
- ⁶⁴ *Василевич Г.М.* Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1948, 352 с.; Русско-эвенкийский (русско-тунгусский) словарь. Сост. Г.М.Василевич. М., 1948, 332 с.
- ⁶⁵ *Цинциус В.И.* Памяти Г.М.Василевич, с. 248—249.
- ⁶⁶ *Василевич Г.М.* По колхозам джудырских эвенков. — ИВГО. 1950, т. 82, вып. 2, с. 163.
- ⁶⁷ МАЭ. Колл. № 6041, 6131, 6625.
- ⁶⁸ *Василевич Г.М.* Эвенкийская экспедиция (предварительный отчет). — КСИЭ. М., 1949, вып. 5, с. 54—63.
- ⁶⁹ *Василевич Г.М.* Корытообразная нарта сымских эвенков. — Сб. МАЭ. 1949, т. 10, с. 93—97.
- ⁷⁰ *Василевич Г.М.* Тунгусский нагрудник у народов Сибири. — Сб. МАЭ. 1949, т. 11, с. 42—61.
- ⁷¹ *Василевич Г.М.* Фольклорные материалы, с. 355—364; *она же.* Языковые данные по термину *хэл—кэл* (Дополнения к статье С.В.Иванова «Мамонт в искусстве народов Сибири»). — Сб. МАЭ. 1949, т. 11, с. 154—156.
- ⁷² *Василевич Г.М.* К вопросу о киданях и тунгусах. — СЭ. 1949, № 1, с. 155—160; *она же.* К вопросу о палеоазиатах Сибири. — КСИЭ. 1949, вып. 8, с. 48—52.

- ⁷³ АМАЭ. Личное дело № 32, л. 26.
- ⁷⁴ *Василевич Г.М.* Ессейско-чирингдинские эвенки (по коллекции В.Н.Васильева, МАЭ, № 1004). — Сб. МАЭ. 1951, т. 13, с. 154—186.
- ⁷⁵ *Василевич Г.М., Левин М.Г.* Типы оленеводства и их происхождение. — СЭ. 1951, № 1, с. 63—87.
- ⁷⁶ *Цинциус В.И.* Памяти Г.М.Василевич, с. 250.
- ⁷⁷ Из справки архива ФСБ по Санкт-Петербургу и области от 17 декабря 1991 г., полученной А.М.Решетовым и впервые опубликованной им (*Решетов А.М.* Репрессированная этнография, с. 358).
- ⁷⁸ Там же; АМАЭ. Личное дело № 32, л. 168.
- ⁷⁹ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, д. 521, л. 41, 45.
- ⁸⁰ *Решетов А.М.* Репрессированная этнография, с. 358.
- ⁸¹ АМАЭ. Личное дело № 32, л. 168.
- ⁸² ПФ АРАН, ф. 142, оп. 5, д. 521, л. 45.
- ⁸³ *Решетов А.М.* Репрессированная этнография, с. 358, 359.
- ⁸⁴ Воспоминания Ж.К.Лебедевой. Рукопись хранится в Отделе Сибири МАЭ.
- ⁸⁵ *Василевич Г.М.* Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков. — Сб. МАЭ. 1957, т. 17, с. 151—186.
- ⁸⁶ Материалы, хранящиеся в Отделе Сибири МАЭ.
- ⁸⁷ *Василевич Г.М.* К вопросу о классификации тунгусо-маньчжурских языков. — Вопросы языкознания. 1960, № 2, с. 43—49; *она же.* Этноним самансамай у народов Сибири. — СЭ. 1965, № 3, с. 139—145; см. также работы, указанные в примеч. 57.
- ⁸⁸ *Menges K.* Linguistische und ethnologische Bemerkungen zum Tungusischen; см. также письменные отзывы, хранящиеся в Отделе Сибири МАЭ.
- ⁸⁹ *Василевич Г.М.* К проблеме этногенеза тунгусо-маньчжуров (По материалам изучения колыбелей). — КСИЭ. 1957, вып. 28, с. 57—61; *она же.* Тунгусский кафтан (К истории его развития и распространения). — Сб. МАЭ. 1958, т. 18, с. 122—178.
- ⁹⁰ *Василевич Г.М.* Тунгусская колыбель (В связи с проблемой этногенеза тунгусо-маньчжуров). — Сб. МАЭ. 1960, т. 19, с. 5—28; *она же.* Типы обуви народов Сибири. — Сб. МАЭ. 1963, т. 21, с. 3—64.
- ⁹¹ *Василевич Г.М.* Эвенки Катанского района. — Сибирский этнографический сборник. М., Л., 1962 (ТИЭ. Нов. сер., т. 78), с. 98—121.
- ⁹² *Василевич Г.М.* Заселение тунгусами тайги и лесотундры между Леной и Енисеем. — Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1972, с. 183—238.
- ⁹³ *Василевич Г.М.* Типы оленеводства у тунгусоязычных народов в связи с проблемой расселения их по Сибири. — Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1964. 11 с.
- ⁹⁴ См.: Очерки токкинского и томмотского говоров. Л., 1962. 107 с.; Очерки учурского, майского и тоттинского говоров. Л., 1964. 169 с.; Диалектологический словарь говоров эвенков Якутии. Л., 1968. 215 с.; Фольклор эвенков Якутии. Л., 1971. 330 с.
- ⁹⁵ Якутская библиотека с благодарностью приняла дар Василевич, составивший 1537 библиотечных единиц, в числе которых были уникальные и редкие издания, и инвентаризовала их в своем книгохранилище под индексом «редкий фонд» (*Гулеева Е.П.* Дар Г.М.Василевич Якутской республиканской библиотеке им. А.С.Пушкина. — Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1972, с. 252). В 1995 г. в связи со 100-летием со дня рождения Василевич в г. Якутске был выпущен каталог «Библиотека Г.М.Василевич. Дарственные коллекции в фондах Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия)». Вып. 1. 185 с.

⁹⁶ Путилов Б.Н. Новые труды по эпосу народов Сибири и Крайнего Севера (1965—1969). — СЭ. 1971, № 2, с. 155.

⁹⁷ Из неназванных следует еще отметить следующие работы Г.М.Василевич: Этнографические наблюдения и лингвистические записи А.Л.Чекановского. — Сборник неопубликованных материалов А.Л.Чекановского. Иркутск, 1962, с. 47—54; Древние географические представления эвенков и рисунки карт. — ИВГО. 1963, т. 95, вып. 4, с. 306—319; Самоназвание ороchon, его происхождение и распространение. — Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. № 9, вып. 3. Новосибирск, 1963, с. 71—73; Уранкаи и эвенки. — Географическое общество СССР. Отделение этнографии. Доклады по этнографии. Вып. 3. Л., 1966, с. 59—93; Тунгусы. — История Сибири. Т. 1. Л., 1968, с. 395—402; *Wassiljewitsch G.M. Erwerbung der Schamanenfähigkeiten bei den Ewenken (Tungusen)*. — Glaubenswelt und Volklore der sibirischen Völker. Budapest, 1963, S. 369—380; The Horse in Ewenki Folklore. — Central Asiatic Journal. 1965, № 12, p. 320—332.

⁹⁸ Документ хранится в Отделе Сибири МАЭ.

⁹⁹ АМАЭ. Личное дело № 32, л. 118, 119.

¹⁰⁰ Материалы, хранящиеся в Отделе Сибири МАЭ.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² См. работы Г.М.Василевич: Производственный костюм эвенков Нижней и Подкаменной Тунгусок как исторический источник. — Одежда народов Сибири. Л., 1970, с. 137—165; Этнонимы в фольклоре. — Фольклор и этнография. Л., 1970, с. 23—35; Топонимы тунгусского происхождения. — Этнография имен. М., 1971, с. 160—171; Антропонимы и этнонимы у народов уральской и алтайской семей, расселенных по Сибири (опыт картографирования). — Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974, с. 296—302.

¹⁰³ Суворов И. Большой друг и учитель эвенков. — Сб.: Г.М.Василевич — крупнейший советский тунгусовед, с. 30—31.

¹⁰⁴ Воспоминания Ж.К.Лебедевой.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ К ним относятся следующие статьи Г.М.Василевич: Дошаманские и шаманские верования эвенков. — СЭ. 1971, № 5, с. 53—60; О культе медведя у эвенков. — Сб. МАЭ. 1971, т. 27, с. 150—169; Некоторые термины ориентации в пространстве в тунгусо-маньчжурских и других алтайских языках. — Проблема общности алтайских языков. Л., 1971, с. 223—229; Запреты, обереги и сказки, записанные на юге Якутии в 1947 г. — Фольклор эвенков Якутии. Л., 1971, с. 307—328; Некоторые вопросы племени и рода у эвенков. — Охотники, собиратели, рыболовы (Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе). Л., 1972, с. 160—171.